

Так можно спугнуть дичь — стоит объекту насторожиться и сбежать, а когда расстояние увеличится, Ложь в бутылке перестанет чувствовать его точное местоположение. Тогда возникнут проблемы.

Остаётся только вести тайное наблюдение, выжидать удобного момента и пытаться найти Хэ Цзяня.

Моросил мелкий дождь, воздух был сырым.

Гу Чанъань пребывал в дурном расположении духа — всю дорогу шёл с каменным лицом.

У Дабин спросил, не хочет ли тот перекусить.

Гу Чанъань покачал головой, но изо рта вырвалось:

— А что есть?

У Дабин протянул ему пачку печенья «Ван Цзы» в виде маленьких булочек.

Гу Чанъань покосился на печенье, с видом «сойдёт» разорвал упаковку:

— Бутылку дай. Я взгляну.

У Дабин достал бутылку.

Гу Чанъань скользнул по ней взглядом — стеклянный шарик внутри слабо дрожал. Значит, объект был где-то рядом.

Дождь усилился. Гу Чанъань и У Дабин, держа зонты, прошли два перекрёстка, двигаясь вперёд, пока Ложь не привела их к воротам какого-то завода.

Зона определена, оставалось только сидеть в засаде и ждать.

Около шести вечера рабочие закончили смену.

Гу Чанъань притворился, будто ждёт кого-то на обочине. Рабочие один за другим проходили мимо него, но стеклянный шарик не подавал никаких признаков.

У Дабин сказал:

— Чанъань, а вдруг тот человек сегодня взял отгул и не вышел на работу? Или у завода есть другие ворота...

Гу Чанъань приложил палец к губам, призывая к молчанию.

У Дабин замолчал.

Гу Чанъань опустил веки и терпеливо ждал свою добычу.

Почти через двадцать минут появился объект.

В то же мгновение Гу Чанъань поднял голову из-под зонта, на секунду-другую задержал взгляд на мужчине, который шёл, печатая сообщение в телефоне, и запомнил черты его лица.

Техника слежки у Гу Чанъаня была отточена до совершенства — он без труда проследил за мужчиной до самого жилья.

Съёмная квартира: несколько одноэтажных домиков вокруг внутреннего двора, замок на двери самый простой — дёрни посильнее, и он слетит. Уровень безопасности крайне низкий.

Гу Чанъань быстро составил примерное представление об окружающей обстановке. Жилец западной комнаты недавно съехал. Опушенная рука Чанъаня слегка постучала по ноге — он что-то прикидывал.

— Вы кто такие?

У входа неожиданно раздался голос. Гу Чанъань обернулся и увидел пожилую женщину, которая входила с сумкой овощей. Она смотрела на стоящего рядом У Дабина с полной настороженностью.

Гу Чанъань вежливо сказал:

— Тётушка, мы ищем квартиру. Увидели на стене снаружи объявление и зашли посмотреть.

Женщина уставилась на У Дабина:

— Вы вместе?

— Да, вместе, — улыбнулся Гу Чанъань. — Он мой брат.

Женщина всё ещё сомневалась:

— А чем он занимается?

Гу Чанъань покосился на У Дабина:

— Тётушка спрашивает, кто ты по профессии. Скажи.

У Дабин посмотрел на Гу Чанъяня.

Гу Чанъянь беззвучно шевельнул губами.

У Дабин, повторяя за ним по губам, произнёс:

— Повар.

— А, повар, значит, — женщина облегчённо вздохнула. Работа приличная. Она оглядела Гу Чанъяня, затем скосила глаза на У Дабина. — А твой братец, надо сказать, крепкий малый. — И правда, вид у него... внушительный.

Болезненная худоба Гу Чанъяня делала У Дабина ещё более массивным — казалось, тот способен голыми руками раздавить быка.

Женщина оказалась добросердечной. Она указала на западную комнату:

— Позавчера как раз съехали, пока никто не въехал. Если хочешь снять, могу помочь связаться с хозяином.

Гу Чанъянь вежливо поблагодарил.

— А утром приходила молодая парочка, квартиру смотреть. Ой, они прямо во дворе целоваться начали, да ещё и лапали друг друга — личная жизнь у них та ещё. — Женщина брезгливо покачала головой, а затем посмотрела на Гу Чанъяня с таким выражением, будто тёща оценивает зятя, и потрепала его по плечу. — Мне такие соседи, как ты, больше по душе. Видно, что хороший мальчик.

Гу Чанъянь тут же изобразил улыбку хорошего мальчика.

Как только появился хозяин квартиры, Гу Чанъянь, пользуясь своей безобидной внешностью, которая нравилась и мужчинам, и женщинам, а также умением выдать желаемое за действительное, договорился снять жильё на месяц.

В тот же вечер он выяснил одну важную информацию: обладатель Лжи — Чжан Вэй, работает на заводе Фусинь, коллега Хэ Цзяня.

Переехав, Гу Чанъянь начал ежедневно следить за Чжан Вэем — на работу и с работы. Он заметил, что, хотя Чжан Вэй жил бедно и одежда у него была поношенная, в целом он выглядел очень опрятно: пуговицы рубашки застёгнуты до самого верха, ни единой небрежности.

Другие рабочие ходили в расстёгнутой одежде, закатав рукава, неряшливые — словно боялись, что кто-то не догадается, что они неудачники. Только он каждый день аккуратно застёгивал все пуговицы, выделяясь, как прилежный ученик среди хулиганов. Бросалось в глаза.

У Чжан Вэя было лицо человека, помешанного на чистоте.

На третий день слежки Чжан Вэй после работы зашёл в супермаркет.

Гу Чанъань последовал за ним и увидел, что тот покупает вешалки для одежды. Когда Чжан Вэй ушёл, Гу Чанъань подошёл посмотреть — оказалось, мужчина выбрал самые дорогие.

Просто развесить бельё — какой же мужик будет так заморачиваться? Взял бы что попроще. Значит, Чжан Вэй предъявлял определённые требования к качеству жизни.

Выйдя из супермаркета, Чжан Вэй съел миску лапши, после чего вернулся к себе — ничего необычного.

Ночью Гу Чанъань вышел в туалет и услышал приглушённое «кхе-кхе» — такой звук издаёт человек, задыхающийся. Он нахмурился, пригнулся и приблизился.

Был уже час ночи. Во дворе горел свет в трёх комнатах, в том числе и у Чжан Вэя.

Гу Чанъань остановился за дверью и заглянул в щель под ней. Он увидел пару босых ног — ног Чжан Вэя. Но стояли они не на полу, а висели в воздухе.

Увидев это, зрачки Гу Чанъаня сузились. Он быстро перевёл взгляд выше — и то, что предстало перед ним, заставило мышцы его лица сильно дёрнуться.

На потолке был железный крюк — обычно на него вешали вещи.

Сейчас Чжан Вэй повесил на него все свои вешалки, а затем просунул шею в эти вешалки и, словно повешенный труп, повис под потолком комнаты.

Как показалось Гу Чанъаню, сейчас Чжан Вэй напоминал одежду на плечиках — он раскачивался в воздухе из стороны в сторону.

Возбуждение. Удушающее возбуждение.

Чжан Вэй был любителем удушения. Его лицо побагровело, глаза вылезли из орбит, изо рта текла слюна, и он издавал горлом непрерывное «кхе-кхе» — то ли стон, то ли смех, полный неуголимой, сладострастной муки.

Вскоре Чжан Вэй снял себя с вешалок. На шее вздулся багровый след — свежие отметины перемежались со старыми.

Только теперь Гу Чанъань понял, почему Чжан Вэй каждый день носит водолазки. Он нахмурился, чувствуя, как по коже пробегают мурашки от омерзения.

«Кхе-кхе»

Передохнув лишь мгновение, Чжан Вэй снова, с восторженным лицом, подвесил себя на вешалки под потолком и закачался, словно одежда.

Гу Чанъань больше не мог терпеть — он поспешил помочиться.

Туалет был общий, в южной части двора. Непонятно, в чём проблема с проводкой, но лампочка постоянно мигала, создавая атмосферу и обстановку как в фильме ужасов.

Закончив свои дела, Гу Чанъань вышел и покосился на комнату Чжан Вэя. Он цокнул языком: ну и игру себе выбрал.

Была ли та игра захватывающей — он не знал, но знал одно: тот, кто так делает, стоит под лезвием косы Смерти и кричит: «Давай, руби меня!»

Возможно, ещё секунду назад он был возбуждён, словно переспал с сотней женщин, каждая клетка дрожала, а в следующую секунду язык вываливается, ноги дёргаются — и конец.

Но какое мне, собственно, до этого дело...

Улыбка на губах Гу Чанъаня застыла. Дело всё-таки было: если Чжан Вэй себя угробит, где он тогда будет искать Хэ Цзяня?

У Дабин, заметив, что Чанъань долго не возвращается в комнату, вышел его искать.

Гу Чанъань нарочно повысил голос, изображая, будто просидел в туалете целую вечность:

— Дабин, выйди, помоги мне, ноги затекли.

У Дабин подумал, что у Гу Чанъаня и правда затекли ноги, и в несколько шагов подошёл к нему.

Гу Чанъань заметил, что, как только он крикнул, свет в комнате Чжан Вэя погас — видимо, тот изрядно перепугался.

В других комнатах ни звука. В двух ещё горел свет, но жильцы не вмешивались в чужие дела и не искали приключений. В той, где свет давно погасили, спали мёртвым сном — его громкий крик не вызвал никакой реакции.

На основе этого наблюдения Гу Чанъань сделал вывод: соседи почти не знают друг друга. Чтобы добыть ценную информацию, придётся работать напрямую с Чжан Вэем.

На следующее утро Чжан Вэй набирал воду у раковины. Выглядел он совершенно нормальным человеком — никому бы и в голову не пришло связать его с любителем удушения.

Гу Чанъань выдавил немного пасты на щётку, взял кружку для полоскания и подошёл:

— Мне надо немного воды.

Хотя во дворе была всего одна раковина и все соблюдали очерёдность, но это не значит, что можно перечить и не давать человеку набрать воды.

Чжан Вэй посторонился.

Гу Чанъань поблагодарил, а когда встал рядом, невзначай мазнул зубной пастой по одежде Чжан Вэя.

Тот просто взбесился. Лицо его пошло пятнами, он разразился бранью:

— Твою мать! Ты чего творишь?!

Гу Чанъань поспешно извинился:

— Извините, нечаянно.

Глаза Чжан Вэя вылезли из орбит, он впился взглядом в Гу Чанъаня, на шее вздулись вены, руки сжались в кулаки — вид у него был такой, будто он готов убить.

Краем глаза Гу Чанъань заметил фигуру У Дабина и едва заметно нахмурился. Он завёл руку за спину и сделал качающееся движение.

У Дабин по разуму был как ребёнок — без хитрости и коварства, не умел просчитывать, говорил прямо и открыто. Но он слушался Гу Чанъаня.

Увидев этот жест, У Дабин вернулся в комнату и стал ждать дальнейших указаний.

У раковины повисла напряжённая тишина.

Гу Чанъаню не нужно было ничего говорить. Благодаря своему хилому виду он, просто стоя на месте, олицетворял собой «уязвимую группу» и мог пробудить в женщинах материнский инстинкт и желание защитить.

Пожилая женщина, которую сын тянул за руку, уговаривая не вмешиваться, не выдержала и, грозно закатав рукава, выскочила из дома:

— Ты чего, ты чего?! Всего-то пасты немного испачкал! Вытри — и делов-то! Что за шум? Драться, что ли, собрался?

Чжан Вэй повернул голову.

Женщина испугалась его взгляда, но голос её стал мягче:

— Мы ж соседи, каждый день нос к носу. Молодой человек уже извинился, давай на этом и закончим.

Чжан Вэй молча подхватил пластиковое ведро с водой и ушёл.

Гу Чанъань не собирался так просто отпускать Чжан Вэя. Он смущённо сказал:

— Извините, я не заметил...

Чжан Вэй схватил Гу Чанъаня за плечо и с силой отшвырнул.

Гу Чанъань воспользовался моментом, чтобы поскользнуться, и, шлёпнувшись задницей на землю, скривился: чёрт, как же больно, хоть плачь.

У Дабин за дверью напрягся, мышцы под одеждой вздулись, наливаясь чудовищной силой — по одному очертанию было ясно, какой мощью обладает его удар.

Гу Чанъань шевельнул указательным пальцем правой руки.

Получив сигнал, У Дабин тут же рванул к нему, опустился на одно колено и собрался поднять его на руки.

...

Гу Чанъань остановил его взглядом: не трогай меня, просто стой рядом.

У Дабин не понял, но промолчал.

Телосложение у Гу Чанъаня было особенное — он и так выглядел болезненным, а после этого падения губы его посинели, на лбу выступил холодный пот — словно это отняло у него полжизни.

Женщина тоже умела раздуть скандал. Она заголосила, хлопнув себя по бедру:

— Ой! Караул! Бьют! —

В этот час те, кто работал, ещё почти не вышли из дома, но и во дворе, и за его пределами уже высовывались люди.

На Чжан Вэя показывали пальцами, и он кипел от стыда и злости.

Гу Чанъань не вставал с земли, и никто не заподозрил его в симуляции — уж слишком жалким он выглядел.

Дереву нужна кора, человеку — лицо. Чжан Вэй, хоть и тысячу раз не хотел, всё же повёл Гу Чанъаня в ближайшую клинику. Предварительно он передел испачканную пастой рубашку — новая была такой же, с застёгнутыми до верху пуговицами.

Зеваки сбились в кучки и оживлённо обсуждали:

— Новый жилец — такой хороший парень.

— Да уж, упал-то как, а всё равно не хочет людям хлопоты доставлять. Будь на его месте кто другой — обязательно бы вымогал деньги.

— Того, кто толкнул, я знаю. Он с моим племянником на одном заводе работает. Ну как сказать... работу выполняет добросовестно, а результаты так себе, не сосредоточен он.

— С виду ничего, руки-ноги на месте.

— Кстати, тот паренёк-то какой красивый. Я такого красивого отродясь не видала. Интересно, откуда он, чем занимается, есть ли у него девушка? Ван, у тебя же дочь ещё не замужем? Само небо тебе зятя посылает.

— А у Чжана младший сын всё ещё на свиданиях ходит — может, и для него подыщем?

— ...

Тема разговора куда-то ушла в сторону.

После этого инцидента Гу Чанъань и Чжан Вэй вступили в контакт.

Гу Чанъань понял, что Чжан Вэй слишком чувствителен, слегка нервный, с перепадами настроения — от любого шороха вздрагивает и паникует.

Словно у него рыльце в пушку.

Характер человека можно определить по одежде и манерам.

На заводе Фусин работал один парень — настоящий хороший человек, если говорить мягко. Если грубо — дурак.

Гу Чанъань увидел, как тот «хороший человек» зашёл в его собственную интернет-кафе. Он попросил у У Дабина пятьдесят юаней.

— Я вернусь попозже.

У Дабин посмотрел на него и неуверенно спросил:

— Чанъань, я хочу сначала домой вернуться, курицу зарубить.

Гу Чанъань протёр очки тряпочкой:

— Зачем тебе курицу?

У Дабин простодушно ответил:

— Отец при жизни говорил: что ешь, то и лечишь. У тебя задница ушиблена, надо куриную задницу есть.

Гу Чанъань зыркнул на него:

— Хочешь, врежу?

У Дабин поджал губы:

— Ты только говоришь, а бить не будешь.

— Боюсь, как ударю — ты сразу дуба дашь, и останусь я один-одинёшенек. — Гу Чанъань снова надел очки и махнул рукой У Дабину. — Следи за Чжан Вэем. Не спались.

У Дабин поспешил догонять Чжан Вэя.

Без преувеличения: у Гу Чанъаня были большие способности к обучению — то, чего он не умел, быстро осваивал. Поэтому он умел многое, самое разное, кроме готовки.

Он просто продемонстрировал пару приёмов у «хорошего человека» на глазах, и тот сам подошёл познакомиться.

Пока Гу Чанъань проходил с ним подземелье, он выведал, что Хэ Цзянь не выходил на работу с двенадцатого числа. По какой причине — неизвестно, никому до него не было дела.

Кроме того, у Хэ Цзяня, как и у Чжан Вэя, на заводе была не самая лучшая репутация.

Чжан Вэй был очень мелочным: все по очереди угощали друг друга обедами — сегодня я плачу, завтра ты, а он только и делал, что халаявничал, но сам ни разу не заплатил.

А Хэ Цзянь крутил романы с девушками коллег, и не единожды — просто чтобы покрасоваться.

Вот так они и стали друзьями.

Согласно рассказу «хорошего человека», у Чжан Вэя была девушка, тоже в этом городе, кто именно — неизвестно, но в его бумажнике лежала фотография — довольно симпатичная девушка.

В благодарность Гу Чанъань помог «хорошему человеку» подняться на один уровень и договорился поиграть ещё.

Семнадцатого числа Чжан Вэй не пошёл на работу. Днём он сидел в съёмной комнате, а около девяти вечера отправился в одно место, пробыл там меньше получаса и вышел с чёрным пакетом в руках.

Чжан Вэй подошёл к мусорному баку, бросил пакет внутрь и, опустив голову, пошёл дальше, листая телефон.

Из тени донёсся голос У Дабина:

— Чанъань, пойдём посмотрим, что в пакете.

Гу Чанъань зевнул:

— Погоди ещё.

Удалившийся Чжан Вэй неожиданно вернулся. Он огляделся по сторонам, словно проверяя, не следит ли кто.

Когда Чжан Вэй снова ушёл, У Дабин удивлённо спросил:

— Почему он вернулся?

Гу Чанъань скривил губы:

— Мнительный.

У Дабин почесал затылок:

— Чанъань, ты такой умный.

— Сейчас не время для подхалимажа. Сначала разберись с этой большой Ложью, потом и хвали.

Гу Чанъань нашёл ветку и, подцепив ею пакет в мусорке, заглянул внутрь. Никаких кусков расчленёнки — только несколько кусков тушёной свинины, от которых разило гнилью.

У Дабин потянулся рукой.

Гу Чанъань отвёл его руку:

— Не трогай. Может, ядовито. Заберём с собой, проверим.

У Дабин вроде бы понял, но не до конца.

Гу Чанъань и У Дабин тайком проникли в то место, куда ходил Чжан Вэй. По фоторамке на шкафу они определили, что это жильё Хэ Цзяня.

Беглый взгляд не обнаружил следов обыска.

Гу Чанъань прошёлся по комнате. Всё, казалось, было на месте, но не хватало одной вещи — вешалок для одежды.

В шкафу было много одежды, но не могло же быть, чтобы ни одной вешалки не осталось.

Два варианта: либо Чжан Вэй приходил сюда раньше и забрал вешалки, либо у Хэ Цзяня было такое же увлечение, и он сломал их, а потом случилось что-то непредвиденное, и он не успел купить новые.

Гу Чанъань обнаружил, что документы Хэ Цзяня все на месте. У того не было ни денег, ни машины, ни друзей, а без документов выбраться наружу не так-то просто.

Судя по всему, весьма вероятно, что Хэ Цзянь уже мёртв.

У Гу Чанъаня была привычка: когда он о чём-то задумывался, ему нравилось забиться в уголок и присесть на корточки. Он двинулся обратно тем же путём, но, шагая, сам не заметил, как присел на корточки.

У Дабин спросил, не хочет ли он поесть.

Гу Чанъань, погружённый в свои мысли, не ответил.

У Дабин подошёл к переулку, увидел напротив супермаркет и отправил Гу Чанъаню сообщение, что идёт купить еды.

Когда Гу Чанъань очнулся, он, прочитав сообщение, сразу понял, где тот находится. По крайней мере, он так думал.

Минут через десять У Дабин вернулся. Он шагал очень быстро, тяжело дыша:

— Чанъань, когда я покупал продукты, за мной увязались какие-то люди. Они идут следом. Что делать?

Гу Чанъань лениво приподнял бровь, скользнул взглядом по нескольким хулиганам за спиной У Дабина:

— Всего-то четыре мелких щенка. Ты бы и сам с ними справился. Зачем ты позволил им идти за тобой до самого этого места?

У Дабин не нашёлся, что ответить.

Гу Чанъань увидел, что хулиганы приближаются, опустил веки и потёр переносицу:

— Дай мне тэяки.

У Дабин протянул ему тэяки.

Гу Чанъань прислонился к стене и начал есть:

— Иди, разберись с ними.

У Дабин был классическим образцом: развитые конечности, простой ум. Всё, что требовало мозгов, — провал, но когда нужно было применить силу, он справлялся.

Четверо мелких хулиганов были уже избиты и валялись на земле, а Гу Чанъань съел только

половину своего тэяки.

У Дабин не применял крайнюю силу и обходил жизненно важные органы.

Один из хулиганов, с трудом поднявшись, разразился бранью:

— Я твою мать...

Бамбуковая палочка пронзила воздух, устремившись к нему, в мгновение ока увеличиваясь в его зрачках. Он вытаращил глаза, одеревенев, как камень.

Тотчас же по всему переулку разнёсся леденящий душу вопль.

Настроение у Гу Чанъаня было отвратительное. Он шёл по улице и бесстрастно произнёс:

— Дабин, ты слишком мягкосердечен. В будущем пострадаешь из-за этого.

У Дабин почти инстинктивно ответил:

— Чанъань меня защитит.

Гу Чанъань остановился на ходу, повернул голову — черты его лица были чёткими и благородными:

— Никто не может защищать кого-то вечно.

У Дабин уставился на него, ошеломлённый.

— Ты хоть и не из клана Гу, но кое-что о клане знаешь. Я сам себе не хозяин, и судьба моя не в моих руках. — Гу Чанъань пошёл дальше. — Старик при жизни говорил, что меня ждёт большое бедствие. Если считать по времени, оно случится в ближайшие год-два.

У Дабин запаниковал:

— А что же делать?

<http://bllate.org/book/19143/1880124>